

Ajalehes Kubanski Kurjer 1992. avaldatud J. Kalaus'i artikkel „Eestlaste elust ja surmast Urupi jõel“. Eesti-Maruhha küla asutamine ja elu. Uus-Eesti (Novoestonovskoje) ja Banatovi küla asutamine (1923). Jaan Miilits. Jaan Holm. Marta Miilits. Karl Holm. Jaan Kiitam. Eduard Assor. Kolhoos „Uus Tee“. Kulakuks tegemine Uus-Eesti ja Banatovi külades, repressioonid. NKVD ülem leitnant Petrenko. Matvei Ivanenko. Juhannes Holm. Martin Milhausen. Maria Assor. V. Kasler. A. Radin. Valter Org. Jüri Kiitam.

Кубанский Курьер, 14.02.1992

О жизни и смерти эстонцев на Урупе

В конце зимы 1861 года случилось событие, которое ввергло российских либералов в эйфорию, а Некрасова с товарищами — в праведное негодование. Александр II подписал указ об отмене крепостного права. Около шести месяцев революционные демократы демонстративно его замалчивали, но так и не добились воли для народа: личную свободу он получил, а землю — нет.

Крестьянин без земли — это душа, отлетевшая от тела. Поэтому из государственных центральных губерний империи многие бестелесные крестьянские души с женами, детьми и жалким скарбом побрели-поехали на малоосвоенные окраины: заземляться. В том числе из Эстляндии на Кавказ. Собирались по две-три семьи и на повозках отправлялись в путь. Он был труден и долог.

Только в 1874 году горстка эстонских переселенцев добралась до предгорий Кавказа. Остановились у реки Маруха, в пятидесяти километрах от Эльбруса, и основали село Маруха-Эстонское.

Пахотной земли в горах мало, эстонцам пришлось заниматься животноводством. Впрочем, чем они только не занимались на первых порах: и на серебряных приисках работали, и лес рубили, и в батраки, пастухи, няньки шли к богатым казакам и баям соседних сел. Коренные жители держали стада овец и коз. Женщины-переселенки вязали из шерсти кофты и свитера, делились с местными рецептами национальных блюд.

Спустя считанные годы после основания Маруха-Эстонское начало поставлять на рынки Пятигорска и Черкесска копчености, масло, мед, сухофрукты, столярные и кузнечные изделия товары из шерсти. Эх! Где сейчас взять таких эстонцев, немцев, греков . . .

Национальных вопросов в те далекие времена никто друг другу не задавал. Горцы, правда, поворывали у эстонцев скот и кое-какое имущество. Но не из неприязни — так, по традиции.

Переселенцы построили в своем селе школу и церковь. Выписали из Эстляндии трех учителей для детей. Поставили дома и зажили — не богато, не бедно. Сносно. Но тут к власти пришли большевики, и такое началось . . .

Богатые казаки, у которых переселенцы арендовали землю, потребовали немедленной уплаты. Все расчеты производились золотом. У несостоятельных должников насильно отбирали скот. Да что там скот, с началом гражданской войны в горах появились бандиты — никто не мог поручиться, что за какой-нибудь пустяк, а то и просто так, у него насильно не отберут и жизнь. Жители сел Маруха и Хусса-Карданик — русские, эстонцы, черкесы и абазинцы объединились в отряды местной защиты.

Осенью 1921 года руководство Баталпашинской губернии предложило эстонцам переехать в Отрадненский район Северо-Кавказского края, где пустовали земли помещиков Стоялова и Макеева. В назначенное время Ян Милиц и Ян Гольм сели на повозку и поехали выбирать новое место. Километров через десять натолкнулись на засаду. Бандиты отобрали у разведчиков вещи, повозку и лошадей. Избили железными прутьями и повели на расстрел. Спаслись два Яна чудом: спрыгнули в кустарник, который рос у реки Зеленчук.

Это печальное происшествие не заставило эстонцев отказаться от идеи повторного переселения. В горах они в основном, занимались животноводством, а в предгорье предлагалось растить хлеб. Какой же истинный крестьянин откажется от столь заманчивого предложения! Два месяца спустя, когда Милиц и Гольм оправались от ран, они и еще четверо человек, под руководством инженера Эдуарда Ассора до зубов вооружились и вновь отправились на разведку.

Осмотрели два места: у села Казьминского — с хорошей землей и плохой водой, и бывшее имение Стоялова. Здесь были отличные пастбища, сенокосы и родники, родники, родники. В седловине между двумя возвышенностями с любой точки выглядывал Эльбрус. Выбрали стояловские земли.

Так весной 1923 года в Отрадненском районе современного Краснодарского края появилось село Новоэстонское. Начало села упиралось в катавалы, резкие перепады местности с 30–80-метровыми обрывами. В пяти километрах, на 600 метров ниже, лежал райцентр — станция Отрадная. Полевая дорога из села в райцентр шла серпантинном. Нижний конец Новоэстонского вклинивался в степь. В двух километрах восточнее и в пяти северо-восточнее переселенцы основали еще два села — Банатовку и Петровское.

Много семей сюда переселилось, около трехсот. Не только эстонские, русские тоже.

По свидетельству Марты Милиц, уроженки Новоэстонки, поначалу казаки и черкесы не давали им покоя налетами и грабежами. Но

потом вмешалась отрядная милиция, разогнала банды, и грабежи прекратились.

Ян Гольм, кстати, вторично попал в переделку. На этот раз с женой и двумя малыми детьми. Бандиты отобрали у них лошадей и отпустили. Хранила их судьба. Пока.

Первую зиму переселенцы провели в землянках. А на вторую все они уже жили в собственных домах, посадили рядом с ними цветы, обнесли аккуратными дощатыми заборами. Даже тротуары сделали – и по их краям высадили белые акации. Когда весной цвели фруктовые деревья и акации, Новоэстонка была сказочно красива.

Пахотную землю на общем собрании разделили поровну: по два гектара на каждого члена семьи. Пастбище для скота осталось общим. За короткие годы НЭПа эстонцы скооперировали и приобрели сноповязалки и сенокосилки, грабли и плуги, веялки и сортировки для очистки зерна. Поставили в центре села церковь и школу, перевезенные со старого места. В начальной школе преподавание велось на эстонском языке.

Имели люди жить. Лучше и веселей год от года. До самого 1929-го. Но тут объявилась коллективизация и вновь такое началось!

Приехали из района в Новоэстонку вооруженные конники, стали раскулачивать. У Карла Гольма было пятеро детей. Старшие ребята вкалывали наравне с отцом и матерью, а двое младших, инвалиды, сидели дома. Естественно, все они «казались» мироедами. Когда проводилась опись имущества Гольмов, на столе лежал разделанный к обеду кролик. Целый вечер комиссия ломала головы: записать кролика или нет?

Обычно имущество кулака продавалось на аукционе. Их было четверо. На одном торговали вещами Яна Китама. Здоровяк, он работал за пятерых. Жена нянчила двух малышек. Раскулачили Китамова до нательных рубах, ничем не побрезговали. «застиранная детская рубашка — один рубль!» — объявил ведущий аукциона... так начинался колхоз «Уус Тээ» («Новый путь»).

Председателем колхоза избрали Эдуарда Ассора, талантливого организатора. Он сам составил проекты всех капитальных построек хозяйства. За 3-4 года здесь возвели девять ферм для крупного рогатого скота, свиней, овец и птицы. Недалеко от ферм для свиней сделали еще и специальные пруды. Велись подготовительные работы по подаче воды на все точки.

Богат был колхоз. По всем видам сельхозпродукции перевыполнял госпоставки. Голод 33-го обошел эти места стороной. К 1936 году «Уус Тээ» имел уже три улицы и принимал новый поток переселенцев. Люди приезжали из Сибири, с Севера и из соседних районов. Хозяйство считалось передовым в крае. Портрет председателя не сходил с полос местных газет.

Между тем. Наступали времена, когда лучше было бы не высываться ни отдельным личностям, ни целым коллективам. Своими трудовыми победами эстонцы начали не столько радовать, сколько мозолить глаза менее удачливым соседям. В 1937 году при обмолоте хлеба в «Уус Тээ» случилась беда: искра от локомотива попала в солому и часть урожая сгорела. Председатель сельсовета Матвей Иваненко отпраповал куда надо. Эдуарда Ассора арестовали. Как вредителя.

Через год 28 июля, под вечер в село прибыло около двадцати машин с чекистами. Новый клуб со зрительным залом на двести мест — гордость работяг, превратился в тюрьму. Сюда согнали всех взрослых мужчин. Руководили операцией начальник НКВД района лейтенант Петренко и Матвей Иваненко.

Арестовали эстонцев, невзирая ни на преклонные годы, ни на семейное положение. Так Юганеса Гольма — 58 лет — взяли вместе с четырьмя сыновьями и зятем. Карла Гольма — 63 лет — вместе с сыном и зятем. Шестидесятипятилетний Мартин Мильгаузен тоже был объявлен врагом народа. Всего в Новоэстонке репрессировали 98 человек: 97 мужчин и Марию Ассор, жену председателя. Из Банатовки увезли 24 кормильца.

Сначала их держали в станице Отрадной, в подвале школы. А потом переправили в Краснодар. Начались допросы и пытки. Не выдержав их погибли В. Каслер, Ю. Китама, А. Радин . . . Остальные дожили до сентября 1938 года, когда пресловутые тройки и начали выносить приговоры. Обвинения разнообразием не блистали — члены передового хозяйства враз оказались шпионами и диверсантами. За это и были расстреляны, за исключением четверых — все.

Вальтер Орг, переживший Соловки, в 1957 году вернулся в родное село и свидетельствовал:

— В Краснодарской тюрьме я видел, как за ноги тащили мертвого, окровавленного Юрия Китама, этот добрый и честный человек был ростом с хорошего баскетболиста. Затем его бросили в яму, где гасили известь.

Но всех невинно убиенных тюремный двор вместить не мог. Захоронили их в огромной траншее. Одна ее часть находится под бетонной оградой Всесвятского мемориального кладбища Краснодара, другая — под асфальтом прилегающего к ограде пешеходного отрезка улицы Аэродромной.

Теперь вот ходим. Топчем . . .

Некогда цветущее село без кормильцев начало распадаться. Закрылись мастерские и школы. Перестали приходить из Питера газеты на эстонском языке. Весь тяжелый труд лег на плечи женщин, а ведь им еще надо было поднимать осиротевших детей. Дела пошли так, что хуже не бывает. Хлеб и овощи нередко лежали неубранными. Район-

ное начальство всполошилось и зачастило в «Уус Тээ». Прорабатывали эстонки: «На вас теперь черное пятно. Если не снимете, пойдете вслед за мужьями».

Так бы оно, скорее всего и случилось, но началась война. Подростки сыновья и младшие братья репрессированных ушли на фронт. Их могилы под Москвой и Ленинградом, Сталинградом и Веной, Варшавой и Берлином. Оставшиеся в живых после демобилизации прижились в Эстонии. Вслед за ними на родину предков постепенно перебрались и другие жители села. Колхоз «Уус-Тээ» был ликвидирован. Землю сначала передали соседнему колхозу, потом совхозу.

Никто не хотел жить в разоренной, нищей деревне. К брошенным домам стали подходить бульдозеры. Уничтожалось все. Не только постройки, но и прекрасные сады. Виноградники.

Сегодня в этих местах пусто и жутко. Среди редких, еще не рассыпавшихся в песок развалюх гуляет ветер. Шуршит выцветшими письмами и фотографиями на чердаках. И некому назвать, кто это так весело смеется на старинном семейном снимке: русский, эстонец, черкес? Расползлись по своим углам и точим друг на друга ножики.

28 июля 1990 года в Таллинне поставили памятник жертвам сталинизма. На открытии присутствовали полтысячи потомков жителей села Новозаэстонска. А в Краснодаре такого памятника с перечнем всех репрессированных на нашей земле нет. Нет его и в Приурупье.

Пострадали не только эстонцы. Почти в каждом хуторе, станице, селе прошла беспощадная сталинская коса. Зря, наверное, нет памятников. Если обозначить ими все места, где пролилась невинная кровь, может быть любители ставить ребром национальные вопросы, наконец, поймут — сколько общих могил связывают наши суверенные земли. А воевать на могилах грешно.

Е. Калаус

Краснодар — Отрадная